

*Некрасов за границей. Работа над поэмой «Несчастные».
Проблема положительного героя и ее решение в этой
поэме*

К середине 1856 года здоровье Некрасова в такой мере ухудшилось, что он выехал для лечения за границу. Перед отъездом ему надо было решить вопрос, в чьи руки передать «Современник» на время своего отсутствия, обещавшего быть длительным. Некрасов решил этот вопрос в пользу Чернышевского, хотя и понимал, что передача редакции Чернышевскому не могла быть приятной Тургеневу и его единомышленникам, привыкшим играть в «Современнике» руководящую роль. И все же Некрасов поступил так, а не иначе, давая тем самым наглядное и чрезвычайно яркое доказательство того, что для него на первом плане стояли соображения идейного, а не личного порядка. Споры нет, что в середине 50-х годов Некрасов еще видел в Тургеневе ближайшего друга, но, как показывает характеристика Ильменева, т. е. того же Тургенева, на страницах «Тонкого человека» (см. выше, стр. 43), идейно он уже во многом с ним расходился. С Чернышевским Некрасов сравнительно недавно познакомился, но сразу же почувствовал в нем не только человека, способного внушить к себе самую горячую симпатию, но и достойного преемника Белинского, т. е. такого же революционного демократа, как и этот последний. А о Белинском, «учителе», друге, единомышленнике, Некрасов не переставал думать, и восстановление его «заветов» в «Современнике» считал делом первейшей важности, ибо это означало, что над «Современником» вновь взвывается столь дорожное ему знамя революционной демократии, которое было приспущено в дни мрачного семилетия. Приспущено и потому, что цензурный террор поистине не имел границ и пределов, и потому, что участники кружка Белинского, составляющие руководящее ядро сотрудников «Современника», с наступлением реакции качнулись вправо и довольно быстро превратились

в типичных либералов. При таких условиях передача редакции в руки Чернышевского приобретала значение важного общественного события, ибо в то время другого журнала, способного пропагандировать идеи революционной демократии, не было.

Впечатления от заграничной жизни не привели в восторг Некрасова. В одном из первых писем из-за границы (письмо к Тургеневу из Рима от 3 октября 1856 года) он писал: «Кроме природы, всё остальное производит на меня скорее тяжелое, нежели отрадное впечатление» (т. X, стр. 294). Тем неотвязнее возвращалась его мысль на родину. В одном из последующих писем к тому же адресату (от 21—29 октября) Некрасов недвусмысленно заявляет: «...верю теперь, что на чужбине живее видишь родину» (т. X, стр. 299).

Пребывание за границей, вообще говоря, не располагало Некрасова к поэтическому творчеству. В стихотворении 1864 года «Начало поэмы» он прямо признается в этом:

Опять она, родная сторона
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе — не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных,
В Германии я был как рыба нем,
В Италии — писал о русских ссыльных...)

Нет, однако, правила без исключения. Последняя строка содержит несомненно указание на поэму «Несчастные», написанную осенью 1856 году в Италии. Некоторые исследователи полагают, что толчком к созданию этой поэмы, действительно посвященной «русским ссыльным», послужил указ Александра II об амнистии политическим ссыльным. Если даже это и так, то не в этом основное значение «Несчастных». Поэма Некрасова полна откликами на события русской действительности. В ней, продолжая «поиски героя», столь необходимого для работы во имя коренного обновления русской жизни, Некрасов, наконец, создает образ этого героя уже не в плане индивидуальном, как в поэме «Белинский», а в плане широкого социального обобщения.

Поэма «Несчастные» разделяется на две части.

В первой рассказчик (он же лирический герой) излагает свою жизнь до того, как он попал в Сибирь. Не нужно особенно хорошо знать биографию Некрасова, чтобы констатировать ряд совпадений между тем, что известно о жизни Некрасова, и тем, что говорит о своей жизни рассказчик.

Оба они пережили тяжелое детство в обстановке крепостнической усадьбы, оба они юношами попали в столицу, оба были обмануты в надеждах добиться успеха и славы, обоим пришлось изведать крайние лишения вплоть до ночных скитаний в тщетных поисках ночлега. И когда рассказчик дает подробные описания и петербургского пейзажа и петербургского быта, то в этих описаниях ярко чувствуется отголосок непосредственных жизненных впечатлений самого Некрасова. То же самое можно сказать и о занимающих видное место в поэме описаниях провинциального городка или описаниях волжской природы.

И тем не менее, несмотря на наличность автобиографических элементов, признать установку первой главы в основном автобиографической едва ли было бы правильно. Основную установку ее следует видеть в другом — в изображении жизненного крушения человека, который жил исключительно личными интересами, личными страстями. Ярче всего это сказано в той катастрофе, к которой привела его неудача в любви. Заподозрив свою избранницу в неверности, он убивает ее, и это преступление приводит его в каторжную тюрьму. Уже одного этого эпизода, одного из центральных в сюжете первой главы, достаточно, чтобы понять всю относительность роли и значения в ней автобиографических элементов.

Что касается второй части поэмы, то автобиографическая струя в ней совсем почти исчезает. Если даже признать, что Крот имел на рассказчика не менее сильное влияние, чем, скажем, Белинский на Некрасова, то, во всяком случае, это влияние проявлялось в иных формах.

Рассматривая образ Крота, в частности, определяя значение его в содержании поэмы, нельзя не признать, что этот образ имеет не меньшее значение, чем образ рассказчика.

Образ Крота контрастирует с образом рассказчика: он воплощает в себе те качества, отсутствие которых приводит рассказчика чуть ли не к гибели. Функция образа Крота — показать, что смысл человеческой жизни в служении обществу, народу, родине, а не в служении личным страстям.

В этом же году, к которому относится создание «Несчастных», Некрасов все в той же своей поэтической декларации «Поэт и гражданин» с горечью указывал, что в социальной среде, его окружающей,

...каждый предан поклоненью
Единой личности своей...

а «сердца благие, которым родина свята», «наперечет». Эти же мысли положены в основу «Несчастных». Образ рассказчика — образ одного из преданных «поклоненью единой личности своей», а образ Крота — образ человека с «благим сердцем», одного из тех, в которых так нуждается родина, но которых, увы! так мало («наперечет!»).

Сказанное позволяет утверждать, что рассматриваемая поэма ставит и разрешает вопрос о смысле человеческой жизни, а потому и можно и должно говорить, что в ней нашли отражение философские искания Некрасова.

В замечательном письме к Л. Н. Толстому из Парижа от 17 мая 1857 года, т. е. написанном почти одновременно с поэмой «Несчастные», Некрасов утверждает, что «цель и смысл жизни — любовь (в широком смысле)». «Без нее нет ключа ни к собственному существованию, ни к сущ. других, и ею только объясняется, что самоубийства не сделались ежедневным явлением. По мере того как живешь — умнееешь, светлееешь и охлаждаешься, мысль о бесцельности жизни начинает томить, тут делаешь посылку к другим — и они, вероятно (т. е. люди в настоящем смысле), чувствуют то же — жаль становится их — и вот является любовь. Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению — страшного и обидного в этом много! На этом одном можно с ума сойти. Но вот Вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы — и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука. Всё это я выразил очень плохо и мелко — что-то не пишется, но авось Вы ухватите зерно. Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу — и Вы придете в отчаяние» (т. X, стр. 334—335).

Таким образом, не в индивидуалистическом подходе к жизни, ибо индивидуалистический подход приводит, в конце концов, к неверию в жизнь, даже к самоубийству, а в чувстве любви к людям, в стремлении послужить им опорой — истинный смысл жизни.

К числу людей, убежденных, что смысл жизни в любви к людям, но в «любви в широком смысле», т. е. прежде всего и больше всего в любви к родине, к народу, принадлежит герой второй части поэмы — Крот. Можно спорить, в какой мере отразились в его образе черты Достоевского¹ или Белин-

¹ Мнение, по которому Крот — это Достоевский, представляется нам неубедительным хотя бы уж потому, что к Достоевскому Некрасов в эти

ского,¹ но, в конце концов, это не так уж важно. Гораздо важнее констатировать, что Крот в поэме Некрасова изображен как «русский человек», как патриот, как демократ.

Как он любит родную природу («родные русские картины»), родной народ! Сколько задушевного чувства в его описаниях народного труда! С каким уважением он говорит о «братьях-мужиках», желая им успеха в их работе («бог помочь, братья-мужики!»). Все эти высказывания играют роль отдельных штрихов, цель которых — воссоздать великий образ «родной земли», «милой» его сердцу «стороны»:

При слове «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее...
О ней, о родине державной,
Он говорить не уставал:
То жребий ей пророчил славный,
То старину припоминал, —
Кто в древни веки ею правил,
Как люди в ней живали встарь...

Наравне с историей родины, Крот прекрасно знал и ее литературу:

И басни хитрые Крылова
И песни вещие Кольцова. ²

Вообще в поэме устами рассказчика подчеркивается высокий интеллектуальный уровень и широкая эрудиция Крота. Его патриотизм и демократизм нельзя рассматривать как только органические чувства, они развились на почве напряженных занятий умственным трудом:

Не на коне, не за сохою, —
Провел он свой недолгий век
В труде ученья...

В результате:

Чего не знал наш друг опальный?

годы относился весьма отрицательно, как о том свидетельствует его повесть «Как я велик!».

¹ П. Ф. Якубович в своей книге «Н. А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность». (СПб., 1907, стр. 39—43) убедительно доказывает, что некоторые черты наружности Белинского и его внутреннего облика (т. е. мировоззрения) отразились в образе Крота.

² Литературные вкусы Крота, как следует из этих строк, совпадали с литературными вкусами Белинского, который, как известно, очень высоко ставил и Крылова и Кольцова.

Любовь к родине неразрывно связана у Крота с верой в нее, в ее творческие силы, в ее великое будущее:

Он говорил: «во многом нас
 Опередили иноземцы,
 Но мы догоним в добрый час!
 Лишь бог помог бы русской груди
 Вздохнуть пошире, повольней —
 Покажет Русь, что есть в ней люди,
 Что есть грядущее у ней...
 ... В ее груди
 Бежит поток живой и чистый
 Еще немых народных сил:
 Так под корою Сибири льдыстой
 Золотоносных много жил».

«Вера без дел мертва есть». Крот хорошо помнит выраженную в этих словах великую истину и неустанно проповедует необходимость упорной, напряженной, самоотверженной работы на благо родины. Вдохновенным призывом к такой работе является сложенная им «в часы недуга» «Песня преступников»:

Трудись, покамест служат руки,
 Не сетуй, не ленись, не трусь,
 Спасибо скажут наши внуки,
 Когда разбогатеет Русь!

Изображая Крота политическим каторжником, поэт ввел в содержание «Несчастных» одну сцену, которая рисует его героя способным к борьбе, к протесту, хотя бы они были сопряжены с огромным риском. Когда дошедшие до крайней степени озверения заключенные стали в «бешеном весельи» отпевать умирающего в муках своего товарища, то против этой позорной потехи смело и самоотверженно восстал Крот.

Корит, грозит! Дыханье трудно,
 Лицо сурово, как гроза,
 И как то бешено и чудно
 Блещат глубокие глаза.

Смутились мы. Какая сила
 Ему строптивых покорила —
 Бог весть! Но грубые умы
 Он умилил, обезоружил,
 Он нам ту бездну обнаружил,
 Куда стремглав летели мы!

Нет надобности доказывать, что в данном случае Крот показал себя не только смелым и самоотверженным борцом во имя высоких гражданских идеалов, но и незаурядным, ис-

ключительным человеком, одним из тех немногих, которые проявляют себя как вожди, как народные трибуны. Недаром и рассказчик и другие каторжане, подчеркивая незаурядность Крота, говорят после его похорон:

Зачем его Кротом мы звали?
И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!

О незаурядности Крота ярче всего говорит то влияние, которое он приобрел на окружающих. Благодаря ему близкие к озверению каторжане переродились морально, их умственный кругозор неизмеримо расширился. Мало того, они восприняли передовой образ мыслей. Благие последствия влияния Крота показаны, главным образом, на примере рассказчика.

Что представлял собой этот последний до того нравственного перерождения, которым он всецело обязан Кроту? Ответим на этот вопрос его собственными словами:

... знал и я
Изнеможение страданья, —
Но что была печаль моя?
К довольству суетному зависть,
Быть может, личная ненависть,
Тоска по женщине пустой,
С тряпичной, дюжинной душой,
Томленье скуки, злость бессилья.
Я, говорят, был мелко зол...

Каким стал рассказчик, восприняв влияние Крота, — об этом распространяться нет надобности, ибо все содержание его рассказа (повторяем, поэма «Несчастные» — это рассказ каторжника как о том, что было с ним до того, как он попал на каторгу, так и о пребывании на каторге) говорит о том, что он стал и морально и интеллектуально развитым человеком, к тому же усвоившим передовой, если не сказать революционный образ мыслей. Разве не пронизаны революционным настроением хотя бы следующее его обращение к родине:

... спит народ под тяжким игом,
Бойтся пуль, не внемлет книгам.
О Русь, когда ж проснешься ты,
И мир на месте беззаконных
Кумиров рабской слепоты¹
Увидит честные черты
Твоих героев безымянных?²

¹ Так Некрасов называет представителей самодержавной власти.

² «Герои безымянные», это, без сомнения, погибшие революционные борцы, имена которых были и остаются неизвестными.

Социальный смысл этих слов (не забудем, что данное семистихие оказалось возможным напечатать только в 1905 году)¹ ни в каких комментариях не нуждается. Совершенно бесспорно, что таким языком мог говорить лишь сочувствующий революции человек. Подобные настроения мог внушить рассказчику только Крот, этот, по выражению чиновника особых поручений при министре народного просвещения Комаровского, «идеализированный колодник», который «до конца пребывает высокою жертвою, неколебимым мучеником, и самая кончина его освещается пророчески двусмысленным видением». «Пророчески двусмысленное видение», о котором здесь упоминается, изображало Крота говорившим «среди народа» «на площади», «при звоне московских колоколен» и кричавшим радостно: «вперед!».² Обстановка этого выступления («площадь», «звон колоколов») и содержание речи к народу, на которое довольно прозрачно намекает слово «вперед!», позволяют утверждать, что в данном случае Некрасов решился на очень смелую попытку дать понять читателям, что Крот говорил среди восставшего народа, призывая его к дальнейшей борьбе.

Революционный демократизм Крота находится в непосредственной причинной зависимости от того невыносимо тяжелого положения, в котором протекает жизнь народа. Это положение наиболее ярко охарактеризовано во втором восьмистишии «Песни преступников», не пропущенном цензурой.³

Образ Крота, героя второй части поэмы, в сопоставлении с образом «рассказчика», не мог не приводить читателей к следующим выводам, выражающим социально-политическое credo революционной демократии: смысл человеческой жизни не в служении «единой личности своей», а в служении родине и народу, однако в обстановке современной русской действительности это служение неизбежно приводит к борьбе против существующего порядка, к подготовке народной революции, а затем к непосредственному, активному участию в ней.

Хотя поэма «Несчастные» отнюдь не является завершающим моментом в поисках Некрасовым положительного героя, хотя к этим поискам Некрасов возвращается и в 60-е и в 70-е годы, но именно в этой поэме Некрасов предлагает такое ре-

¹ См. книгу А. Пыпина «Н. А. Некрасов» (1905, стр. 158).

² Описание предсмертных минут жизни Крота в основном повторяет рассказы о том, как умирал Белинский.

³ Это восьмистишие впервые напечатано автором этих строк в «Памятке ко дню столетия рождения Некрасова» (ГИЗ, 1921, стр. 3—4).

шение вопроса в его общей постановке, от которого он не отступает ни на шаг и впоследствии. В этом огромное значение поэмы «Несчастные» в творчестве Некрасова, в его идеологической эволюции.

Тем не менее приходится констатировать, что Некрасов, работая над «Несчастливыми», только частично осуществил свой замысел. Дело в том, что, получив известие об экстраординарной цензурной буре, вызванной перепечаткой в «Современнике» трех стихотворений из только что вышедшего их сборника, Некрасов так взволновался, что «скомкал» поэму, «не сделав половины того, что думал» (письмо к Тургеневу от 7 января 1857 года). Вслепки Некрасова было вызвано не столько опасениями личных репрессий (поговаривали, что он будет арестован, как только вернется в Россию), сколько опасениями за участь «Современника», которому грозили запрещением. А запрещение «Современника» в условиях того времени означало бы гибель единственного журнала, пропагандировавшего революционно-демократическую идеологию.

Тот факт, что поэма «Несчастливые» была «скомкана» и положенный в основу ее замысел не был полностью осуществлен, нельзя не учитывать при литературной ее оценке. При всех своих достоинствах (глубина идейного смысла, яркость и красочность образов, драматическая напряженность некоторых сцен и т. д.) поэма не лишена и весьма существенных недостатков. Среди них следует отметить известный стилистический разнобой. В основном поэма, конечно, — реалистическое произведение, и впечатлению от нее отнюдь не препятствует то обстоятельство, что местами она отличается крайней патетичностью тона, что некоторые образы ее, а прежде всего образ Крота, поданы в ореоле исключительного нравственного величия, исключительной нравственной мощи. Но, будучи в основе своей реалистическим произведением, поэма местами не лишена определенно романтического колорита. Сугубо романтичен, например, образ возлюбленной рассказчика, которую он аттестует то «ангелом в грозе», то «демоном у пристани желанной». Так, кстати сказать, о ней говорится в первой части, а во второй, в полное противоречие с этим, она названа «женщиной пустой, с тряпичной дюжинной душой». Убийство рассказчиком его возлюбленной изображено в духе эпигонов романтизма:

... молящий стон,
Безумный крик, сверканье стали...
Прочь, утонувшие в крови,
Воспоминания любви!..

Если бы Некрасов не был вынужден «скомкать» свою поэму, — ему, без сомнения, удалось бы придать ее стилю большую цельность, а вместе с тем поднять ее на большую художественную высоту. Однако из сказанного отнюдь не вытекает, что в окончательном итоге поэма «Несчастные» не является подлинно замечательным произведением; она, бесспорно, — одно из крупных достижений Некрасова как поэта.

